

ОКОПЪ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Поралис

Окоп 15

«Автор»

2026

Поралис Р.

Окоп 15 / Р. Поралис — «Автор», 2026

Когда Рома застал свою девушку с бывшим, его мир рухнул. Пятнадцатилетний пацан из провинции подписывает контракт и уходит на СВО — не за идею, а чтобы сбежать от боли. В учебке он встречает Мелстря — сорокапятилетнего зека, которого мусора подставили с наркотиками. Два человека, два предательства, одна война. Их окоп становится не просто позицией — он становится домом, где рождается братство. Эта книга — не пафосный боевик. Это голос поколения, которое выросло среди взрывов и разбитых сердец. Честно. Горько. По-настоящему. «Окоп 15» — место, где умирают и воскресают.

© Поралис Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Роман Поралис

Окоп 15

Глава

ОГЛАВЛЕНИЕ Пролог. Она даже не закрыла дверь Часть первая. Учебка. Знакомство с Мелстрыем Часть вторая. Первый бой Часть третья. Разговор у костра. Мелстрой учит Рому жизни Часть четвёртая. Как я встретил Диану (флешбэк) Эпилог. Возвращение

ПРОЛОГ. Она даже не закрыла дверь

Она даже не закрыла дверь. Я до сих пор помню этот звук — скрип петель, когда я толкнул её плечом. Чёртова ручка, которую мы с ней же и меняли прошлым летом, потому что старая отвалилась нахуй. Я её тогда держал, а она крутила отверткой и смеялась. «Рома, ты как всегда — руки из жопы». А я просто смотрел на неё, на её волосы, упавшие на лицо, и думал: «Господи, как же я тебя люблю, сука». И вот я снова стою перед этой дверью. Но теперь внутри неё не моя Диана. Не та, что шептала мне в ухо на школьной дискотеке. Не та, что брала меня за руку перед всеми и громко говорила: «Это мой парень». Не та, что написала на моей тетрадке «Люблю навсегда» и поставила сердечко — блять, какая же я идиотка, что повел. Внутри была она. И он. Я открыл дверь просто потому, что она не была заперта. Никогда не запирала. Говорила: «Кому я нужна, кроме тебя?» Теперь я знаю ответ: этому Вове. Они лежали на её кровати. Моя подушка — та, с которой я приходил спать по выходным, пока мать была на смене — валялась на полу. Его футболка вонючая висела на спинке моего любимого стула. Того самого, на котором я сидел, когда писал ей стихи. Дурацкие, детские, пафосные. «Ты мой свет в конце тоннеля». Сейчас я понимаю, что тоннель был коротким, и там, в конце, ждал этот мудак Вова. Он — Вова, её бывший. Наш бывший? Да похуй. Лысый, накачанный, на год старше. Он даже не повернул голову. Просто лежал, задрал ногу на её одеяло, и пялился в потолок, будто так и надо. Будто я — просто случайный звук за стеной. Будто я хуй, а не человек. А она закричала. Но не так, как в моих кошмарах. Я тысячу раз представлял этот момент — ну, бывает же, все ссорятся, все ошибаются. Я думал, она скажет: «Рома, прости, это ошибка». Я был готов простить. Правда. Потому что без неё я не дышал. Потому что она была моим первым всем: первый поцелуй, первое «люблю», первая ночь, когда мы просто лежали рядом и слушали дождь, и я думал — это навсегда. Ебанный в рот, навсегда. Она закричала: «Ты что, не стучишься?!» Вот так. Даже не «что ты здесь делаешь». Даже не «это не то, что ты думаешь». Просто «не стучишься». Я смотрел на неё и не узнавал. Лицо красное, глаза бешеные — и ни капли вины. Злость, будто это я влез к ней в комнату без спроса. Будто это я предал. Будто это я снимал футболку на её кровати, зная, что она ждёт меня через час. Сука, сука, сука — я ненавидел её в тот момент так, как никогда никого не ненавидел. И тут же понял, что всё равно люблю. Вот это пиздец. Вова наконец поднял голову, посмотрел на меня с ленивой усмешкой и сказал: «Ты бы вышел, братан. Неудобно как-то. Мы тут заняты, если чё». Я не помню, как вышел. Помню только, что в руке у меня всё ещё был пакет с её любимыми пирожными. «Корзиночки» из пекарни за углом. Она обожала их, говорила, что это вкус детства. Я бежал через весь город, чтобы успеть до закрытия, потому что знал, что у неё сегодня была контрольная и она устала. Я хотел сделать ей приятно. Потому что я любил. А она в это время целовала его лысый затылок и, наверное, думала, какой он крутой. А я — дебил с пирожными. Ебать, как же я был дебилом. Я шёл по улице. Осень, холодно, но я не чувствовал. Пирожные в пакете превратились в кашу. Я сжал их так, что крем вытек между пальцев. Липко. Тошно. Где-то на детской площадке смеялись дети — мальчик лет пяти бегал за девочкой с листиком.

Я смотрел на них и думал: «Вы тоже вырастаете, и она тоже когда-нибудь сделает вам больно, потому что все бабы — шлюхи. Вы просто не знаете этого». Я знал. Теперь знал. Я зашёл в парк, сел на скамейку, где мы целовались в прошлом сентябре. Тогда она сказала: «Ты будешь моим мужем, Ромка». Я поверил, ёбанный дурак. Глупый, пятнадцатилетний идиот. Я вообще верил во всё, что она говорила. Верил, когда она врала маме, что ночует у подруги, а сама была у меня. Верил, когда она шептала, что я у неё единственный. Верил, когда она писала смс «спокойной ночи, мой герой». Герой, блять. Герой с пакетом пирожных в руках и с разбитым сердцем. Я вытащил телефон. Экран треснутый — уронил на прошлой неделе, когда она позвонила и сказала, что соскучилась. Я тогда бежал домой, чтобы ответить ей по видеосвязи, и выронил трубку, потому что был счастлив. Мелочь. А теперь я смотрел на её номер, на нашу переписку, где сотни сердечек и «скучаю», и хотел разбить телефон о дерево, а потом пойти и разбить ей лицо. Но вместо этого я просто сидел и дышал. Потому что внутри всё сжалось, и я не мог даже заплакать. Я написал: «Я всё видел, сука». Прочитала. Не ответила. Я сидел так час. Может, два. Замёрз до костей, но не чувствовал. Я смотрел на небо, на редкие звёзды, которые пробивались сквозь городскую подсветку, и думал: «А как теперь жить, нахуй?» Пятнадцать лет — это вроде бы ещё детство. Но я чувствовал себя столетним стариком, у которого отняли всё, что было дорого. Всё, блять. Домой я пришёл под утро. Мать спала — у неё ночная смена в больнице, она только что вернулась, вырубилась. Я зашёл в свою комнату, закрыл дверь. Посмотрел на её фотографии, развешанные на стене. На мониторе компьютера — её лицо в зелёных наушниках, она смеётся. На полке — её заколка, которую я украл у неё в кинотеатре, потому что она была красивая. Идиот, блять. Я снял всё. Сложил в пакет. Хотел выкинуть, но рука не поднялась. Тогда я просто задвинул пакет под кровать. Подумал: потом. Завтра. Когда перестанет болеть. Или когда я сдохну. А потом я открыл браузер. Я сам не знаю, зачем. Может, хотел найти фильм, чтобы отвлечься. Может, музыку. Но я наткнулся на новость — набор добровольцев на контрактную службу. СВО. Донбасс. Всё, что я слышал по телевизору, пока мать смотрела новости. Всё, что мне было похуй до этой секунды. Я просто смотрел на эту страницу. Условия, зарплата, льготы. И вдруг подумал: «А что, если?». Если я здесь никому не нужен, то там, может, пригожусь. Там всё честно. Там не будет девчонок, которые изменяют. Там будет просто — задача, оружие, товарищи. Или смерть. И мне было абсолютно насрать. Честно. Мне было абсолютно похер. На следующий день я пошёл в военкомат. Мать была на работе, так что я просто оставил записку: «Уехал к другу в область, вернусь через пару дней». Врёт она мне — и я ей. Только это было впервые. Я никогда не врал матери. Она единственная, кто по-настоящему меня любил. Но я не мог ей сказать правду. Потому что правда была в том, что мне хотелось сдохнуть. Или сделать хоть что-то, чтобы эта боль внутри не сожрала меня заживо. В военкомате было душно, пахло казённой бумагой и потом. Очередь — человек десять, в основном мужики за сорок. Я встал в конец, сжимая в кармане паспорт. Там, в паспорте, дата рождения, где было написано «2011». Мне только пятнадцать. Но я заранее взял паспорт отца — он был в командировке, оставил дома запасной, «на случай». Я ничего не планировал, просто взял. Как будто знал, сука. Когда подошла моя очередь, полковник за столом даже не посмотрел на меня. Протянул бланк, сказал: «Заполняй». Я написал дату рождения — 2008. Приписал себе три года. Рука тряслась. Я думал, он заметит, спросит что-то. Но он просто взял бланк, глянул мельком, поставил печать и сказал: «Подписывай контракт. Медицинская комиссия завтра в восемь». И всё. Без вопросов. Без «а почему такой молодой». Без «а мама знает». Просто — подписывай, и вали нахуй. Я сидел на скамейке перед военкоматом. Сжимал в руке подписанный контракт. Всё было по-настоящему. Печать, подпись, номер части. Я — доброволец. Через неделю — отправка в учебку. Дальше — неизвестность. Или пуля. Или осколок. Мне было всё равно. Мой телефон завибрировал. Я посмотрел. Она. Диана. Я открыл сообщение: «Рома, давай поговорим. Ты не так всё понял. Это ничего не значило. Я люблю тебя». Я посмотрел на это «люблю» и почему-то рассмеялся. Громко, так,

что прохожие обернулись. А потом я удалил её номер. Не заблокировал, нет. Просто стёр. Как стёр бы эту дату рождения в паспорте, если бы мог. Я написал ей в ответ только одно слово: «Свободна, иди нахуй». И убрал телефон в карман. Встал, поправил рюкзак — там лежали носки, трусы, зарядка и одно фото. То самое, где мы на школьном крыльце. Я её не выбросил, просто взял с собой. Почему? Сам не знаю. Может, чтобы помнить, зачем я здесь. Может, чтобы злиться. Может, чтобы когда-нибудь порвать и наконец забыть. Дома я не заходил. Я не хотел видеть мать. Не хотел объяснять, что я иду на войну, потому что девушка изменила с бывшим. Это звучало по-дурацки, даже для меня. Я знал, что она поймёт, но не сейчас. Сейчас я просто оставил ей записку на кухонном столе: «Мама, я уехал. Вернусь. Прости, что так. Твоя квартира, ключи под ковриком. Не ищи меня, блять. Я позвоню, когда смогу. Люблю тебя». И я ушёл. В ночь. В дождь. В сторону вокзала. Плевать, что завтра в школу. Плевать, что контрольная по алгебре. Плевать, что мы должны были встретиться с друзьями в выходной. Я перечеркнул всё это, потому что внутри была такая огромная пустота, что её могла заполнить только война. Или пуля. В поезде до Ростова я сидел у окна и смотрел, как мелькают огни. Подумал, что еду в совсем другую жизнь. Что там я стану кем-то другим. Не Ромой, которого бросили. Не Ромой, у которого красные глаза и трясущиеся руки. А просто бойцом. Человеком с позывным. Тем, кто нужен своим. И плевать, что враги реальные, а не те, что внутри. Этих хотя бы можно застрелить. В купе было темно, только свет от фар встречных поездов скользил по лицам спящих людей. Я засунул руки в карманы. Нашупал скомканную фотографию. Хотел выкинуть в окно, но не стал. Просто сжал её в кулаке, как будто это могло унять боль. Не уняло, конечно. И заснул. Впервые за двое суток. А во сне мне снилась она. В школьном коридоре. Она улыбалась и махала мне рукой. И я бежал к ней, бежал, а коридор становился всё длиннее, и стены осыпались, и в конце был взрыв. Я проснулся в холодном поту, когда поезд въезжал на перрон. И подумал: «Ну и правильно. Теперь всё будет по-настоящему. Похуй на неё, похуй на всё». Взял рюкзак, вышел на перрон. Вдохнул холодный воздух. И пошёл туда, откуда не возвращаются. Или возвращаются другими. Посмотрим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.